

Аннотация

Когда Земля прекратила вращаться, казалось, наступил конец света, но люди выжили на освещенном полушарии планеты. А кто же населяет темную сторону Земли?

Ливадный Андрей Темная сторона Земли

Его звали Хелл.

Полное имя мальчика звучало мудрено, и узнать его он мог только в день своего совершеннолетия, но до этого заветного дня оставалось еще столько времени - пять голубых и четыре красных солнца, в течение которых он так и останется Хеллом - подростком, только вступившим в пору юности, немного нескладным, сутуловатым, любопытным и

непоседливым, как все мальчишки его возраста.

...День заканчивался вполне обычно
Вдали слышался стук, затем ветерок донес бряцание оружия и цокот копыт по мощеной улице. Звуки были привычными, они не вызывали недоумения или страха, Хелл знал, что это на старых, уже порядком подгнивших укреплениях, защищавших поселок, менялась стража. Вечер клонился к сумеркам, красное око Владыки Ночи уже напоззло на бледно-желтый диск дневного светила и затмило его.

Из импровизированного убежища, в котором устроился подросток, была видна часть двора и угол родного дома. Сейчас прозвучит вечерний гонг, а потом мама позовет его...

- Хелл, долго тебя ждать? - раздался из-за приоткрытой ставни голос матери.

- Ужинать пора!

Мальчик нехотя оторвался от своего занятия. Он мастерил свой первый в жизни самострел: в кустах за домом Хелл облюбовал прогалину, над которой ветви и листья образовывали плотный шатер, здесь и устроил мастерскую, стащив дедушкин инструмент, который все равно бесполезно ржавел в чулане.

Мать не любила повторять дважды, а воинских упражнений сына не приветствовала вообще, и потому он, взглянув в прореху между листьями на кроваво-красного Владыку Ночи, уже полностью затмившего своего дневного брата, торопливо сложил недоструганные дощечки в земляной тайник и стал выбираться из густой поросли кустарника.

Доделаю завтра... - решил он про себя.

Хелл не мог подозревать, что "завтра" у него не будет.

Он не узнает своего полного имени, и в мужчины его посвятит не старейшина селения... потому что все сотрет эта ночь, расколов понятие "жизнь" на две половины - на "до" и "после", на черную реальность и тускнеющие светлые воспоминания беззаботного детства...

...Они приближались, двигаясь от зоны вечных сумерек, минуя редкие беспечные заслоны на дорогах, немые и почти бесшумные, будто внезапно обретшие плоть страшные тени.

Впрочем, много ли было у них плоти?

Об этом знали разве что они сами, да те немногие воины, кому посчастливилось выжить в жестоких схватках с исчадиями темной стороны

мира во время последней войны.

Опытный глаз, заметив группу из двадцати существ, сразу бы определил: охотники или разведчики. Шли они налегке, двигались, по большей части, звериными тропами, подальше от мощеных дорог, поближе к влажной, прелой тишине, где наглухо тонуло негромкое повизгивание двигавших ими адских сил.

Это были Летарги.

Поселок, где жил Хелл, раньше стоял на самой границе, но закончившаяся за несколько месяцев до рождения мальчика война отодвинула бурые замшелые камни с межевыми и охранными знаками далеко к сумеркам, на пять или шесть дней пути от его родного дома.

Много было пролито крови, чтобы купить ту благодатную тишину, в

которой проходило его раннее беззаботное детство. Несколько лет после окончания войны новую границу по-прежнему боялись, ей не верили, как не верили и старой, жили по привычке: в страхе и напряжении, но потом, когда отряды правителя сэра Донга Бесстрастного прочно встали на пороге сумерек, доброй сталью перекрывая путь всем исчадиям темной стороны, прошлое понемногу отлегло от сердец, позабылось, начало порастать былью, так же, как символические могилы воинов, отдавших свою жизнь за эту сонную, спокойную тишину.

Потому, наверное, и не обновлялись укрепления вокруг поселка. Люди втянулись в новый уклад жизни, и две башни из дикого камня с узкими, уже замшелыми по краям бойницами так и остались не возведенными до конца, лишь мокли и чернели под зимними

дождями стропила не покрытых черепицей крыш.

Да и воины стали уже не те. Вместо жилистых, сухощавых, молчаливых, украшенных шрамами бойцов в отрядах появились круглолицые парни, с выпирающими из-под брони мускулами, добродушные, охочие до девок, несущие службу скорее из-за робости перед правителем, да за те деньги, что он посылал им, как стражам приграничья.

Хелл, как и большинство мальчишек его возраста, мечтал стать воином. Он не очень понимал, что именно должно вкладываться в данное понятие, но вид соседских мужчин, которые несколько раз в неделю оставляли работы в поле и вечером, весело переговариваясь, побрякивая скверно пригнанным оружием и доспехами, шли на старые, обветшалые укрепления, чтобы

провести там бессонную ночь, будоражил воображение мальчика.

Ему чудились подвиги и опасности, но говорить о своих мечтах вслух не стоило. Отец погиб в последний месяц войны на границе, и мать слышать не хотела о военном будущем сына.

Есть у тебя земля - вот и работай, сынок, неси добро и ей, и себе, раз появился у нас сильный и мудрый правитель, который держит на пороге сумерек своих воинов, предоставляя тебе возможность жить как человеку, не деля ложе между собой и женой холодной сталью, не вскакивая по ночам...

Хелл не знал, насколько справедливы ее слова. Есть опыт, который невозможно перенять от других, нужно выдубить его на собственной шкуре.

...Собрав недоструганные дощечки, он вздохнул и пошел домой, не

дожидаясь повторного сердитого окрика.

Ужинали, как обычно, втроем. Мать накрыла на стол, дед уже сидел на лавке, пристраивая свой негнувшийся деревянный протез, и Хелл, проскользнув мимо него, сел на свое место, тут же ухватив кусок хлеба.

Мать, возившаяся у очага, каким-то образом заметила это и укоризненно покачала головой.

- Руки вымыл? - спросила она.

- Угу, - невнятно промычал Хелл, наслаждаясь вкусом свежее испеченного хлеба. Прожевав, он посмотрел на деда.

Тот, заметив взгляд внука, хитро подмигнул в ответ.

- Дед, а почему днем солнце желтое и жаркое, а ночью красное и холодное?

Мать, услышав вопрос сына, машинально сотворила в воздухе

охранный знак неба.

- Ты бы еще спросил, отчего половина мира черная и мертвая, а половина живая и светлая, - с упреком произнесла она. - Не искушай на темную сторону...

- погоди, мать. - Дед ласково посмотрел на любознательного внука своими усталыми, мутноватыми глазами и охотно стал объяснять:

- Давным-давно, еще до Ярости Неба, у нас было лишь одно солнце. - Он машинально провел ладонью по гладко отполированной временем деревяшке, которая заменяла ему ногу, потерянную в боях с полчищами Летаргов. - Тогда наш мир был совсем не таким - ночью было черно, как на темной стороне, а днем...

Хелл наострил уши, предчувствуя интересный рассказ, мать, нахмурившаяся было, махнула рукой,

взяла горшок с подоспевшей вечерней кашей и направилась к столу, но в этот момент звук гонга, разорвавший сонную вечернюю тишину, заставил ее остолбенеть, едва не выронив горячую ношу, деда умолкнуть на полуслове, а Хелла инстинктивно вжать голову в плечи, - частый ритмичный и тревожный набат разлился внезапной осязаемой тревогой, и тут же, вторя ему, на окраине поселка что-то рыкнуло тугим, ритмичным, как гулкий удар колокола, лопающимся звуком, от которого заломило в ушах, а на оконце, словно от дуновения ветра, взметнуло занавески.

И началось...

За несколько минут до этого поселок мирно погружался в красноватый ночной покой.

Стража только что сменилась.

Защищать селение было просто, - природа сама позаботилась об основной части укреплений, возведя по своей прихоти четыре симметричных холма, между которыми и обосновались первые поселенцы несколько сот лет назад. Последующие поколения обнесли разросшуюся пограничную заставу крепкой стеной из железного дерева, которым изобиловали эти места. Говорят, что железное дерево - одно из порождений сумерек, и вероятнее всего это именно так. Древесина у него действительно сероватая, будто крупнозернистый чугун, и прочность соответственная. Вековые исполины в достатке росли по склонам оплывших холмов, но стоило немалых трудов свалить нужное количество деревьев и возвести из их стволов стены.

Теперь, спустя почти пятьсот лет,

они понемногу начали терять былую прочность, уступая неторопливому бегу времени. В период последней войны вместо двух разрушенных башен начали возводить новые, из дикого камня, но так и не достроили.

Красное око Владыки Ночи взирало с чистых безоблачных небес на притихшее селение. Скупые лучи ночного светила красили в багрянец серые камни башен, расцветивая их причудливыми бликами.

Горм, старший заступившей смены, широкоплечий мужчина лет сорока, облаченный в кожаные штаны и куртку, спускался с почерневшей от времени, но еще крепкой бревенчатой стены, когда его взгляд с привычным равнодушием скользивший по окрестностям, вдруг зацепился за кровавый отблеск, что шальной молнией сверкнул и погас в кустах, по

ту сторону стены.

В первый момент он подумал: Почудилось...

Следующим чувством была досада на сельского старшину, который все никак не выделял людей на ежегодную вырубку молодой кустарниковой поросли, подступавшей уже к самым стенам и лишь в одном месте, напротив ворот расступавшейся, давая проход неширокой ухабистой дороге.

Замеченный блик заставил Горма, против обыкновения, задержаться на стене, хотя внизу, в длинном одноэтажном бараке его ждало уютное тепло потрескивающего очага.

Несколько минут он пристально осматривал заросли и, как оказалось, не зря.

Искомое обнаружилось внезапно, но совсем не там, где мелькнул отсвет. Горм просто посмотрел вниз, прямо

под стену и обомлел: там, ничуть не скрываясь, возились два Летарга.

Старый воин не дрогнул, лишь спину прошибло внезапным потом, да в груди метнулся холодок неизбежности - уже лет семь, как ни одна тварь не подбиралась так близко к поселку, и былые напасти стали понемногу забываться.

На беду...

Ухнуло, оборвалось сердце, он закричал, привлекая внимание часовых на стенах, и бросился к огрызку металлической трубы, которая висела у лестницы, ведущей на стены. Рядом стоял деревянный молот, и Горм, схватив его, что есть силы замолотил по полому куску побитого ржавчиной железа, высекая из него тревожный глухой ритм, какого давно уже не слышали окрестности.

Все произошло слишком быстро.

Часовые, услышав его крик, вслед за которым ожил набат, выглядывали со стен, пытаясь рассмотреть противника в красноватом вечернем сумраке, и в этот миг под самой стеной вдруг оглушительно загрохотало.

В воздух взметнулся оранжевый огонь, смешанный с землей, расщепленными бревнами и горящими на лету, вырванными с корнем кустами; на миг в округе стало светло как днем, даже предметы отбросили резкие тени... и вдруг все почернело от жирного кислого дыма, который взвихрился на месте взрывов, укрывая своим тяжелым пологом горячие конические воронки, образовавшиеся на месте внушительного куска бревенчатой крепостной стены.

Горячие комья земли еще молотили по головам и спинам очумевшей от неожиданности стражи, когда из

занявшегося огнем кустарника
появились молчаливые фигуры
Летаргов.

Для человека, родившегося и
выросшего в приграничье, нет зрелища
более страшного, чем молчаливые,
возникающие из дыма, освещенные
языками пламени фигуры.

Летарги шли, не скрываясь, их лица
не искажала мимика, голубые глаза,
чистые, как кристаллы пресноводного
льда, смотрели на содрогнувшийся от
взрывов мир спокойно, без вызова, но и
без жалости.

Если вспомнить, что существовало
множество видов Летаргов, то стоило
признать, - эти относились к категории
бойцов. Рослые, сильные, молчаливые,
все в отливающей серым
мелкозернистым сплавом броне, только
лица открыты, да еще кисти рук,
сжимающих оружие, вот, наверно, и

все, где видна плоть, свидетельствующая, что существа, несмотря на свою схожесть с людьми, лишь их подобия. Живое означало, что они из сумерек, то есть - не худшее из зол, но для поселка, в обороне которого была пробита изрядная брешь, - верная гибель.

...

Паника взметнулась и погасла перед лицом неизбежности.

Двое Летаргов, войдя в брешь стены, столкнулись лицом к лицу с караульным отрядом, состоявшим в этот момент из семи человек. Остальные еще не успели подтянуться к месту внезапного прорыва от дальнего периметра стен.

Все происходило в напряженной, нереальной тишине, где в первые секунды схватки был отчетливо лишь слышен треск горящего кустарника и

шумное, сбивчивое дыхание воинов.

Караульные мгновенно образовали полукруг, перекрыв пролом в стене. Только у двоих стражников оказались с собой щиты, остальные не удосужились взять их из оружейных комнат, давно рассудив, что незачем таскать с собой такую тяжесть.

Летарги приближались. Они шли спокойно, с нечеловеческой уверенностью в своих силах, а за их спинами уже трещали и ломались кусты, выдавая продвижение более крупных сил.

Стража, перекрывшая дымящуюся брешь, выглядела в этот момент не лучшим образом. Пятеро из них были совсем молодыми бойцами. Они впервые столкнулись с исчадиями сумерек, но не дрогнули, лишь лица, ставшие серее той скверной бумаги, на которой выцарапывал долговые

расписки сельский старшина, выдавали их волнение и страх. Двое более опытных воинов, которые, помимо мечей, были вооружены еще и прямоугольными щитами, оказались в центре цепи, они и приняли на себя первый удар.

Один из Летаргов внезапно вскинул левую руку, и в тусклом сиянии ночного светила по окружности запястья кроваво сверкнули тонкие острые жала стрел. Раздался сухой щелчок, какой бывает, когда спускаешь собачку туго сжатой пружины, и тонкий свист распорол дымную сторожку тишину.

Молодой рыжий парень, который стоял по левую руку от двух, занявших центр бреши бывалых воинов, вдруг слабо вскрикнул, и, выронив меч, вскинул руки к груди.

Его глаза полезли из орбит, когда

между пальцев хлынула кровь, и он последним проблеском угасающего разума осознал, что немота рождена стрелой, пробившей навывлет его доспехи и вонзившейся глубоко в плоть.

- В стороны! Прячьтесь за бревна! - Мгновенно сообразив, чем вооружен противник, закричал воин со щитом, бросаясь вперед, на двух Летаргов. Его товарищ ринулся следом, а четверо молодых стражников так и остались стоять, потому что все спрессовалось в считанные секунды, и их оторопелый разум не поспевал за событиями...

Первый воин принял две стрелы на щит, но третьего удара не выдержал кованый круг в центре, от которого лучами расходились скрепляющие щит полосы металла, и он раскололся на несколько частей.

Впоследствии Хелл не раз проклинал тот ужас, который заставил его, выпучив глаза, кинуться прочь из дома.

Мальчика словно подменили. Страх пред внезапными обрушившимися на его неокрепший разум страшными и непонятными событиями оказался так велик, что он, очертя голову ринулся бежать.

Мать, пытаясь остановить его, отчаянно кричала что-то вслед, но Хелл не слышал ее голоса - он вообще перестал слышать что-либо, кроме звона в ушах. Когда он попытался зажать уши ладонями, то ощутил что-то горячее и липкое.

Это была кровь, которая сочилась из ушных раковин.

Осязание крови напугало его еще больше. Хелл совершенно потерял голову. Он был в шоке от оглушительного взрыва, погрузившего

весь мир в звенящую вату, и бежал, не разбирая дороги, только затем, чтобы бежать.

Ноги вынесли его сначала на центральную площадь поселка, по которой в панике метались люди, а потом и дальше. Не соображая, что делает, мальчик вдруг выскочил к крепостной стене и остановился как вкопанный.

Бревенчатой стены между двумя недостроенными каменными башнями попросту не было.

Он застыл, пораженный увиденным, и не заметил, как из дымного сумрака за его спиной появился один из Летаргов.

Рука, сращенная из плоти и металла, наискось ударила мальчика в район затылка, мир вдруг вспыхнул перед его глазами и померк.